

ИДЕАЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Совершенная речь

Мы уже убедились, что совершенное видение — а именно его возникновение знаменует вступление на восьмеричный путь — это не просто интеллектуальное понимание буддизма, пусть даже самое ясное и глубокое, а нечто гораздо большее. Оно заключается в подлинном проникновении в истинную, или абсолютную, природу бытия и принадлежит к разряду духовных переживаний. Это переживание может быть мимолетным, может вспыхнуть и снова исчезнуть. И все же оно является гораздо более реальным, непосредственным, проникновенным, личным, истинным, чем любое интеллектуальное понимание. Совершенное видение — это проблеск, переживание абсолютной реальности, даже краткое, мимолетное и неуловимое.

Но одного проблеска недостаточно. Недостаточно, чтобы некое видение возникло и на какой-то миг преобразило нас. Оно должно проникнуть во все сферы нашей жизни, войти в плоть и кровь, должно не просто преобразить наше бытие, но коренным образом изменить его на всех уровнях, во всех отношениях.

Кстати, тот же смысл имеет буддийский термин *мудра*. Мудра — это жест, который делают рукой или складывая пальцы определенным образом. Часто встречается триада: *самадхи*, *мантра* и *мудра*. Здесь самадхи относится

к внутреннему духовному свершению, мантра — к его словесному выражению, а мудра — к его выражению посредством жеста, вплоть до кончиков пальцев — самых дальних оконечностей человеческого тела. Иногда слово *мудра* переводят как «магический жест», также как слово *мандала* переводят как «магический круг», хотя мудра принадлежит не к сфере магического, а, напротив, к сфере духовного и даже запредельного.

В своем духовном свершении не следует ограничиваться только высотами. Оно должно проникнуть в глубины нашего существа и преобразить все стороны и области нашей жизни. Когда это произойдет и наша жизнь изменится всесторонне и на всех уровнях в соответствии с совершенным видением — прозрением и переживанием истины, тогда наступит то, что мы называем просветлением.

Мы видели, что совершенное чувство — второй аспект или этап пути — представляет собой проникновение совершенного видения в нашу эмоциональную жизнь. Это изменение или возвышение грубой, неочищенной энергии наших чувств, их превращение в нечто гораздо более тонкое и чистое или, если можно так сказать, в нечто более духовное.

Теперь мы переходим к третьему аспекту благородного восьмеричного пути Будды — к совершенной речи (санскр. *самьяг вача*). В данном случае перевод не вызывает вопросов. Здесь все однозначно, нет никаких нюансов, которые могли бы представлять трудность при переводе. *Вача* буквально значит «речь» или «произнесение», а *самьяг* (или *самьяк*), как и в других этапах пути, означает не просто «правильная» в противоположность ошибочной (как переводят обычно), но «целостная», «полная», «развитая», «совершенная». Поэтому при переводе выражения *самьяг вача*, мы будем говорить не просто о правильной речи, но о совершенной речи. Таков истинный смысл.

Очень знаменательно, что совершенная речь считается самостоятельным этапом или аспектом восьмеричного пути. Кто-то может подумать, что речь не так уж важна и ее как разновидность действия можно включить в совершенное действие — следующий член восьмеричного пути. Однако это не так. В учении Будды, изображенном в виде восьмеричного пути, совершенной речи отводится целый этап. Это указывает на чрезвычайную важность, которую буддизм придает речи вообще и совершенной речи в частности. Совершенная речь — не только третий аспект благородного восьмеричного пути Будды — ведь воздержание от ее противоположности, т. е. от лживой или несовершенной речи составляет четвертую из пяти заповедей, которые должны соблюдать все буддисты-миряне.

Речь или словесное общение — это то, чем нам постоянно приходится заниматься. Вы можете заниматься медитацией или не заниматься, дело ваше, но, когда доходит до речи, у вас едва ли есть выбор. Хочешь не хочешь, а разговаривать, беседовать, общаться все равно приходится. Не можете же вы все время молчать, даже если хочется! Впрочем, большинство людей не желают молчать, во всяком случае подолгу. Поэтому в любой последовательной программе духовной практики и культуры неизбежно должно найтись место для речи. Речь должна находиться под влиянием, даже подчиняться духовной жизни. Поэтому ей нужно уделять внимание и отводить место.

На Западе обычно считается, что человек состоит из тела и ума, а иногда — из тела, души и духа. В буддизме же принято говорить о трехчленном подразделении человека на тело, речь и ум. Это одно из тех общих мест, к которым мы настолько привыкли, что часто их упускаем, и тем не менее, они очень важны. Стало быть, в буддизме речи придается такое же значение, как и уму и телу. Тело, речь и ум составляют равнозначную триаду.

Ведь если задуматься, то именно речь отличает человека от животного. Мы знаем, что птицы издают крики,

что у некоторых обезьян есть свой примитивный язык, что дельфины, по всей видимости, могут общаться друг с другом. Однако речь в полном смысле — это прерогатива людей. Может быть, она есть и у ангелов, но мы можем судить только о людях. Так что речь — это нечто особенное, выдающееся, нечто такое, что поистине отличает нас от всех прочих живых существ. Поразмыслив об этом, мы убедимся, что большая часть нашей культуры прямо или косвенно зависит от речи. Посредством речи учителя и родители воспитывают детей. Посредством книг — так сказать, застывшей, кристаллизованной речи — мы получаем информацию, приобретаем знания и даже можем обрести просветление.

Вся наша культура, все наши знания, даже все духовные прозрения в большей или меньшей степени, прямо или косвенно произошли от слова, т. е. от речи, от произнесения. Поэтому естественно и даже неизбежно, что в нравственной и духовной жизни речи нужно уделять такое же внимание, как и мышлению и действию.

В истории развития буддизма отмечают три крупных этапа: это Хинаяна, Махаяна и Ваджраяна. В Ваджраяне, или несокрушимом пути, тело, речь и ум связывают с тремя, скажем так, психическими центрами (не придавайте особого значения слову «психический»). Так, тело отождествляют с головным центром, речь — с горловым, а ум — с сердечным. Именно поэтому, поклоняясь изображению Будды или своему учителю, мы соединяем ладони и последовательно касаемся ими головы, горла и груди. Это означает, что мы поклоняемся телом, речью и умом, то есть целиком и полностью, всем своим существом, не выпуская ничего.

Есть много других взаимосвязей тела, речи и ума — например с тремя *каями*, или «телами» Будды, но здесь мы не будем вдаваться в эту тему. Пока нас интересует только один момент: то, что горловой центр, символизирующий речь, расположен между головным и сердечным

центрами. Голова, или головной центр, символизирует не только тело, но (в другой системе взаимосвязей) еще и интеллект или понимание, тогда как сердце, или сердечный центр, символизирует чувства и эмоции. Горловой центр, символ речи, находится между ними, и это значит, что речи присуща природа тела и ума. Речь предоставляет возможность выражения как голове, так и сердцу. При помощи речи мы передаем и мысли и чувства, и это справедливо как для обычной речи, так и для совершенной. Совершенная речь — это одновременно проявление совершенного видения (которое соотносится с интеллектуальным пониманием, но не идентично ему) и совершенного чувства, которое на своем уровне соотносится с нашей эмоциональной жизнью. Если сформулировать это совсем кратко и просто, то посредством совершенной речи мы выражаем как мудрость, так и любовь и сострадание. В широком смысле совершенная речь показывает, как изменяются принципы речи, или принципы общения, под влиянием совершенного видения и совершенного чувства.

В буддийских текстах совершенную речь обычно описывают как правдивую, дружелюбную, полезную, способствующую согласию и единству. Соответственно, неправильную или несовершенную речь характеризуют прямо противоположные свойства: она неправдива, груба, вредна и способствует несогласию, разладу и разъединению.

Большинство буддийских трактовок совершенной речи (которую обычно называют правильной), особенно современных, довольно поверхностны и нравоучительны. Они ограничиваются чисто этическим уровнем и даже не пытаются проникнуть глубже и исследовать психологические и духовные основы совершенной речи. Впрочем, такой подход характерен и для некоторых людей, когда дело касается учения Будды в целом и особенно учения о благородном восьмеричном пути. Порой людей вводит в заблуждение кажущаяся простота учения Будды, и, даже

излагая его или претендуя на его изложение, они склонны подавать его как нечто избитое и обыденное. Они не пытаются углубиться в него и увидеть, что же имел в виду сам Будда.

Что касается совершенной речи, то обычно считают, что правдивость, дружелюбие, полезность и способность приводить к согласию, единению и ладу — это ее отдельные качества или признаки, как будто с одной стороны есть совершенная речь, а с другой — четыре ее признака, которые, так сказать, к ней приделаны. Но если мы немножко углубимся в эту тему и более тщательно исследуем данный аспект восьмеричного пути, то увидим, что в действительности эти так называемые качества совершенной речи представляют четыре разных уровня речи, причем каждый последующий уровень глубже предыдущего. В этой связи можно даже говорить о четырех последовательных уровнях общения.

В свете вышеизложенного мы теперь рассмотрим каждый из четырех уровней совершенной речи. Так мы, по крайней мере, получим некоторое беглое знакомство, некоторое представление — причем не только о правильной или совершенной речи, но об идеале человеческого общения: каким, согласно учению Будды, должно быть или могло бы быть человеческое общение. Возможно, мы также увидим, как нам далеко до этой совершенной речи, до этого идеального общения. Мы постоянно общаемся и разговариваем. И почти постоянно, если не всегда, не дотягиваем до этого идеала. Давайте же попробуем понять, что же на самом деле такое эта совершенная речь или этот идеал человеческого общения согласно учению Будды.

1. Уровень правдивости

Прежде всего, совершенная речь и идеальное общение отличаются правдивостью. Когда говорят, что любая речь

должна быть правдивой, все мы думаем, будто понимаем, что имеется в виду. Ведь нас, начиная с двух лет, учили никогда не лгать, беря пример с Джорджа Вашингтона. Но знаем ли мы в действительности, что значит говорить правду? Учитываем ли мы все оттенки смысла? Говорить правду — еще не значит просто придерживаться фактической точности: дескать, это платье желтое, а вот та штука называется «микрофон». Представление о правдивости не исчерпывается только этим. Конечно, фактическая точность важна, это один из аспектов правдивости, и не нужно ее упускать. Однако это еще не все.

Те из вас, кто читал Босуэлла, наверное, припомнят знаменитое высказывание доктора Джонсона* относительно правдивости в отражении фактов: «Если ваши дети скажут, что увидели нечто за одним окном, хотя в действительности это произошло за другим, то их немедленно надо поправить, ибо невозможно предугадать, куда может завести даже столь незначительное отклонение от истины». Поэтому верность фактам важна. Она составляет основу совершенной речи. Признав это, следует усвоить качество, которое Джонсон называет «точность повествования», — оно даст нам возможность поупражняться в более высоких и тонких видах правдивости. Обычно мы чувствуем себя весьма шатко и неуверенно уже на этом уровне. Лишь очень немногие люди действительно заботятся о точности повествования. Как правило, мы любим слегка отступить от истины: добавить лишних подробностей, преувеличить, преуменьшить, приукрасить. Наверное, у каждого есть поэтическая жилка, которая побуждает нас все это проделывать, но ведь мы поступаем так даже с лучшими людьми и в свои лучшие минуты.

* Сэмюэл Джонсон (1709–1784), английский писатель и лексикограф, автор «Словаря английского языка». Благодаря биографии, написанной Джеймсом Босуэллом, прослыл автором множества афоризмов и изречений.

В связи с этим я припоминаю, как однажды побывал на праздновании дня Весак* в одном буддийском центре в Индии. Там присутствовало человек семьдесят-восемьдесят, однако в статье по поводу этого праздника, которую я потом прочел в одном буддийском журнале, говорилось о колоссальном сборище, в котором участвовали тысячи человек. Должно быть, автор статьи думал, что таким образом пропагандирует Дхарму и поощряет веру и энтузиазм, однако в действительности только вредил делу. Он не был правдив, потому что отклонился от фактической точности.

Мы склонны подтасовывать, исказить или, по крайней мере, слегка изменять факты в том направлении, которое нам представляется более выгодным, поэтому здесь следует быть очень осторожными. Если мы говорим, например, что был прекрасный день, он и в самом деле должен был быть прекрасным. Не нужно ни преувеличивать, ни уменьшать. Если мы говорим, что на собрании было десять человек, то должна быть уверенность, что их действительно было десять. Если же их была тысяча, давайте так и скажем, что собралась тысяча человек. Но если их было только пятьдесят, давайте не делать из пятидесяти сто пятьдесят. И если где-то, на чужом собрании, была тысяча человек, то давайте не делать из тысячи сто пятьдесят! Словом, нужно строго придерживаться фактов и быть точным, хотя, опять же, следует подчеркнуть, что правдивость в истинном смысле — в наиболее глубоком, полном и духовном смысле — есть нечто неизмеримо большее, чем просто фактическая точность, как бы важна она ни была.

У правдивости есть еще психологический и духовный аспекты, и помимо фактической точности в понятие правдивости входят также честность и откровенность. То есть

* День просветления Будды, а в некоторых традициях еще и день его рождения и паринирваны.

нужно говорить то, что действительно думаешь. Вы не говорите правды, пока не говорите всей правды, не высказываете всего, что у вас на уме и в сердце, что вы на самом деле думаете и чувствуете. В таком случае вы не обладаете правдивостью, не общаетесь по-настоящему.

Но теперь возникает еще один вопрос: действительно ли мы знаем, о чем думаем? Действительно ли мы знаем, что чувствуем? Ведь большинство из нас живут в состоянии хронической умственной путаницы, неразберихи, хаоса и беспорядка. При случае мы можем повторить то, что слышали или читали, можем воспроизвести это при необходимости — например, на экзамене, если мы студенты, или в разговоре с людьми. Но при этом мы не понимаем как следует того, что говорим. Разве можем мы при этом говорить правду? Разве можем быть правдивыми, если не знаем, о чем думаем?

Если мы хотим говорить правду в полном смысле этого слова (или, по крайней мере, в более полном, чем обычно принято понимать), следует прояснить свои мысли. Нужно навести какой-то порядок в своей умственной неразберихе. Мы должны совершенно четко и определенно знать, о чем думаем и о чем не думаем, что чувствуем и чего не чувствуем. И еще, нужно сохранять пристальную осознанность, нужно знать, что у нас внутри, каковы наши мотивы, побуждения и идеалы. Это значит, что мы должны быть абсолютно честными с собой, а для этого нужно знать себя. Если же мы себя не знаем, не знаем ни своих глубин, ни своих высот, если мы не в состоянии проникнуть в бездны собственного существа и стать для себя совершенно прозрачными, если у нас внутри нет ни ясности, ни света, то мы не можем говорить правду.

Все мы должны это понимать. Если мы это поймем, то увидим, что говорить правду совсем не просто. Можно даже сказать больше, причем я не считаю это преувеличением: большинство из нас почти никогда не говорят правды. А можно сказать еще более сильно, даже парадоксально: большинство из нас почти все время лгут, так

что почти все наше общение — это ложь, потому что мы не способны говорить ничего другого. Мы не способны говорить правду в полном смысле этого слова. Поразмыслив, мы будем вынуждены признать: большинство из нас проходят по жизни год за годом, с детства или, по крайней мере, с молодых лет и до самой старости, ни разу не сумев произнести ни единого слова правды, если иметь в виду самый полный и ясный смысл этого слова, которое так часто употребляют неверно.

Мы хорошо знаем: если нам хоть когда-нибудь удастся сказать правду, это приносит большое облегчение. Часто мы даже не отдаем себе отчета, как много наговорили лжи, пока нам не представится возможность в кои-то веки сказать правду. Всем нам знакомо облегчение, когда можно высказать то, что обременяет ум и сердце, то, что беспокоит или заботит, или выговориться кому-то, рассказать обо всем, ничего не утаивая. К сожалению, с большинством людей это случается очень редко, а то и вовсе не случается.

На самом деле говорить правду — значит быть самим собой. Не в обычном, расхожем смысле, когда нам советуют быть самим собой в компании, что обычно означает как раз обратное — не быть самим собой, а в смысле выражения посредством речи того, что мы собой представляем в действительности, что мы доподлинно о себе знаем. И даже если иметь в виду этот более тонкий, глубокий, полный и духовный смысл, все равно правду не говорят в вакууме. Вы не забираетесь на телевизионную башню, чтобы вещать правду звездам. Ее всегда высказывают кому-то: другому существу, другому человеку. И здесь мы переходим на второй уровень совершенной речи, на вторую ступень человеческого общения.

2. Уровень дружелюбия

Совершенная речь не только правдива (даже если понимать правдивость в самом полном смысле этого слова), но

еще и дружелюбна и полна любви: это правда, высказанная с любовью. Разумеется, это означает не только употребление ласкательных слов и т. п. В данном случае говорить дружелюбно и с любовью означает говорить правду во всей полноте, при этом целиком воспринимая того человека, с которым вы разговариваете. Многие ли из нас умеют так говорить? Если мы задумаемся, то поймем, что, разговаривая с людьми, мы часто даже не смотрим на них. Не замечали? Вероятно, это относится и к вам, и к тем, кто с вами разговаривает. Вы не смотрите на собеседника и когда говорите сами, и когда говорит он. Вы смотрите мимо него, на его лоб, на потолок, на пол — куда угодно, но только не на самого человека, с которым разговариваете. А если вы не смотрите на человека (это одна из тех вещей, которые мы стараемся исправить в упражнениях по общению, в чем некоторые из вас убедятся сами), то не можете его осознать.

Можно сказать, что любить — в том смысле, в котором мы используем это слово сейчас, — значит осознавать существование другого человека. То есть, если вы не знаете другого человека, как вы можете говорить с ним с любовью? Это просто невозможно. Конечно, нам нравится думать, будто мы любим других, будто мы дружелюбны и т. д., но на самом деле так бывает очень редко. Как правило, мы воспринимаем других людей только исходя из собственной эмоциональной реакции на них. Мы эмоционально реагируем на них неким образом, а затем приписываем им собственную эмоциональную реакцию как их качество. Если, к примеру, люди делают то, что нам нравится, мы говорим, что они хорошие, добрые, заботливые и т. д. То есть в действительности мы не общаемся с этим конкретным человеком. Чаще всего мы общаемся, пытаемся общаться или притворяемся, что общаемся, с проекциями собственного ума.

Это особенно касается общения с теми людьми, которые, казалось бы, нам близки и дороги. Родители и дети,

братья и сестры, мужья и жены — все они очень редко знают друг друга. Прожив бок о бок двадцать, тридцать или сорок лет, люди друг друга так и не узнали. Они узнали лишь собственные реакции друг на друга и стали приписывать те же реакции другим. Поэтому они полагают, будто знают людей, хотя на самом деле не знают их совсем. Им знакомы только собственные умственные и эмоциональные состояния, которые они переносят на других.

Здравая мысль. В старину говорили: «Мудр тот отец, который знает своего сына». Это изречение можно продолжить: мудр тот сын, который знает своего отца, мудра жена, которая знает своего мужа, очень мудр муж, который знает свою жену. Ведь чем дольше мы живем с человеком — особенно с человеком, с которым нас связывают кровные узы или сильные чувства, — тем меньше знаем его в духовном смысле. В конце концов, что такое для ребенка мать? Просто некое замечательное ощущение тепла, покоя, безопасности и благополучия — вот что такое мать. Ребенок не знает свою мать как личность. То же самое относится и к другим родным и близким. И обычно такое отношение сохраняется всю жизнь, разве что с годами становится немного более тонким и рассудочным. В большинстве своем мы так и живем почти все время.

Вот почему так много недоразумений между людьми, так много сложностей в общении, так много разочарований — это особенно касается отношений с самыми близкими людьми. Между ними возникают конфликты, потому что они не знают друг друга и поэтому не могут друг друга любить. Это всего лишь псевдообщение между проекциями и ничего более. Я знаю, это звучит резко, может быть, даже пугающе, но это так. Думаю, самый лучший и полезный выход — как можно скорее принять эту правду о себе и других людях и осознать, что в большинстве случаев все наши так называемые отношения — это всего лишь иллюзия, следствие взаимного проецирования, в которой нет

74 Идеал человеческого общения

знания, нет взаимопонимания, не говоря уже о взаимной любви.

Но если есть взаимная осознанность и взаимная любовь, если мы способны говорить другому человеку правду, осознавая этого человека, то есть любя его, ибо любить и значит осознавать, то мы будем знать, что ему нужно. Если мы по-настоящему знаем другого человека, то знаем и его истинные потребности, а не то, что ему якобы нужно иметь, чтобы нам было хорошо, — ведь именно это обычно имеют в виду, говоря: «Я знаю, что ему нужно». Знать, что нужно другому человеку — значит понимать, что хорошо для него, совершенно объективно, без всякой оглядки на себя. Таким образом мы будем знать, что приобрести, что дать, чем помочь и т. д. А это выводит нас на третий уровень совершенной речи, на третью ступень общения.

3. Уровень полезности

Согласно учению Будды, нужно говорить то, что полезно, то есть то, что способствовало бы росту, в особенности духовному росту, человека, с которым мы разговариваем. Речь идет не о чем-то формальном вроде религиозных наставлений, хотя и они могут принести большую пользу. В более широком смысле аспект полезности совершенной речи заключается в том, чтобы, разговаривая с человеком, поднимать его на более высокий уровень бытия и сознания, а не опускать вниз. По меньшей мере, надо обладать позитивным настроением и восприимчивостью. Ведь многие настроены очень негативно. Расскажешь им о каком-то радостном, счастливом событии, а они или состроят кислую мину, или постараются все обесценить, или станут вас опровергать. В итоге вы почувствуете себя виноватым в том, что радовались какой-то ерунде и принимали ее за нечто ценное и достойное внимания. Словом, нужно, как минимум, иметь позитивный настрой и восприимчивость,

понимая, что помочь человеку расти может только такое отношение, а не негативный, критический или деструктивный настрой.*

Это положение иллюстрирует прекрасная история, взятая из одного из апокрифических евангелий. На заре христианства кроме четырех евангелий, из которых состоит Библия, существовали десятки и сотни других. Часть из них дошла до наших дней. В них содержатся изречения и предания, не вошедшие в Библию. Так вот, в этой истории рассказывается, что Иисус шел по Галилее со своими учениками и на дороге они увидели дохлую собаку. На улицах Лондона сегодня не увидишь дохлых собак, но на Востоке это вполне привычное зрелище даже в наши дни, а тот, кто читал знаменитое стихотворение Бодлера, знает, что дохлая собака — не самое приятное зрелище. Собака, о которой идет речь, валялась там, должно быть, уже несколько недель, и, увидев ее, ученики с отвращением отвернулись от ужасного зрелища. Иисус же улыбнулся и сказал: «Какие у нее прекрасные зубы!». Даже в собачьем трупе он увидел нечто прекрасное.

Именно такое отношение необходимо на данном уровне совершенной речи. Нужно видеть хорошую, светлую, позитивную сторону вещей, а не заострять внимание на негативном. Нельзя впадать в неумеренную и деструктивную критику. Разумеется, бывает время для критики, в том числе и для деструктивной, — это вполне законное занятие. Однако большинство из нас слишком уж горазды критиковать в ущерб положительной стороне дела. Даже если мы не вправе давать конкретные духовные наставления или просвещать людей, — ведь на это способны

* Разумеется, при этом не исключается конструктивная критика, основанная на положительных эмоциях и искренней заботе о человеке. Такая критика, которая может быть и взаимной, способствует духовному росту. Поэтому она полезна в лучшем смысле этого слова и составляет неотъемлемую часть совершенной речи.

76 Идеал человеческого общения

очень немногие — мы можем, по крайней мере, быть полезными. Можем, по крайней мере, подходить позитивно, оценивая все хорошее, что развивается или прорастает в другом человеке. И даже если мы сами станем давать что-то вроде наставлений, они принесут пользу лишь в том случае, если это сделать в полезном, позитивном и конструктивном духе.

Если мы общаемся именно так — говорим правду, всю правду и ничего кроме правды, говорим с любовью, то есть осознавая другого человека, говорим так, чтобы своей речью способствовать духовному росту другого человека и оказывать на него здоровое положительное влияние, если ставим его потребности выше своих собственных, если не проецируем на него свои эмоциональные состояния, не используем его и не эксплуатируем, то результат будет таким: разговаривая, общаясь с другим человеком, мы будем забывать о себе. Это выводит нас на четвертый, высший уровень совершенной речи — на четвертую и последнюю ступень общения.

4. Уровень, способствующий согласию, гармонии и единству

Наряду с только что описанными свойствами, совершенная речь способствует согласию, гармонии и единству. Под этим не понимается простое словесное согласие. Дело не в том, чтобы постоянно соглашаться и поддакивать, и даже не в том, чтобы разделять общие убеждения: ты веришь в буддизм, и я тоже в него верю. Здесь имеется в виду другое. Речь, способствующая согласию, гармонии и единству — это взаимная помощь, основанная на взаимной правдивости, на осознании жизни друг друга и нужд друг друга и ведущая ко взаимному самопреодолению. Такое взаимное самопреодоление преимущественно и есть совершенная речь. Это уже не просто совершенная

речь, но и совершенство общения. Если такое согласие, гармония и единство, такое понимание присутствуют во всей полноте и совершенстве, то не нужно больше ничего говорить. Возьмите даже повседневный уровень: недавно познакомившись с человеком, мы первое время много разговариваем, обмениваемся мыслями и таким образом узнаём друг друга. Но чем больше мы узнаём друг друга, тем меньше нужно слов. Когда совершенная речь достигает гармонии, единства и преодоления, она одновременно достигает своей вершины — молчания.

То, что Будда называет совершенной речью, является принципом общения в своей наивысшей форме, однако не следует думать, что речь, даже совершенная речь, — единственный способ общения. В буддизме Ваджраяны, или несокрушимой колесницы, различают три способа распространения учения Будды. Первый, низший — это словесный способ. На этом уровне учение, то есть духовный опыт, передается посредством изреченных или написанных слов. Следующий способ — посредством знаков или символов, как в том дзэнском предании, в котором повествуется, как Будда посреди собрания учеников поднял золотой цветок. То был знак. Его смысл понял только Махакашьяпа, и благодаря этому знаку, вернее, символическому смыслу этого знака, вся сущность духовного опыта Будды была передана Махакашьяпе, а от него — всей линии преемственности дзэнских учителей. Но, согласно Ваджраяне, наивысший уровень передачи — это передача от ума к уму, которая, конечно же, происходит молча. Это прямое общение умов, без посредства произнесенных или написанных слов, зримых знаков или символов. Ум передает другому уму не сигналы, но сам себя и делает это без всяких посредников, без всякой передающей среды. Это прямое, непосредственное воздействие духа на дух.

Не нужно думать, что тишина — это просто отсутствие звуков. Когда замирают все звуки — когда совершенно

затихает шум уличного движения, скрипение стульев в комнате, звук нашего собственного дыхания и даже «голос» наших мыслей — остается не что-то негативное или мертвое, не просто вакуум. Остается живая тишина.

В связи с этим я вспоминаю величайшего из плеяды индийских мудрецов и учителей Раману Махариши, который умер в 1950 году. Мне посчастливилось быть с ним рядом некоторое время примерно за год до его смерти. То был совершенный пример состояния, о котором идет речь. Он просто сидел на возвышении в зале своего ашрама, на некоем подобии дивана, покрытом тигровой шкурой, и почти все время не произносил ни слова. Он сидел там, я думаю, лет сорок, и, хотя обычно зал был полон, входя туда, вы ощущали удивительную энергию этой тишины. Казалось, что молчание буквально струится из него. Волны молчания были почти зримыми — они струились из него ко всем этим людям, проникали в их сердца и умы, успокаивая их. Стоило только сесть, как отчетливо ощущали, как это молчание наплывало на вас, успокаивая, утешая, унося все ваши мысли. Это не поэзия и не игра воображения — молчание можно было буквально осязать. Ощущение было такое, словно тебя постоянно обтекает волной некая благодатная энергия. Да, это было молчание — подлинное молчание, истинное молчание, прекрасным воплощением которого был Рамана Махариши.

Такое молчание — великая редкость. В современной жизни даже обычное молчание, низшая разновидность молчания, встречается чрезвычайно редко. Конечно, в нашей жизни чаще всего слишком много шума, и, как правило, слишком много разговоров. Под разговорами я имею в виду не настоящее общение посредством речи, а обычное многословие, словоизвержение без особого смысла. Невольно думаешь, что такое сокровище, как речь, которая так драгоценна, так прекрасна и так выразительна, должно быть чем-то исключительным. По крайней мере, она должна быть сродни трапезе, которой мы предаемся

время от времени, после обдумывания и приготовления. Но слишком часто речь предшествует мысли, и болтовня становится правилом, а молчание — исключением.

Но, может быть, все мы не безнадежны, как молодой Маколей, о котором Сидней Смит, большой остроумец, сказал: «Маколей идет на поправку. У него случаются минуты молчания». Большинство из нас находятся в таком же положении. Возможно, мы тоже идем на поправку. Возможно, время от времени у нас бывают прямо-таки блестящие минуты молчания. Так давайте попробуем отводить в жизни чуть больше времени для молчания, отводить больше времени для тишины, чтобы побыть наедине с собой. Если мы не будем делать это время от времени, скажем, минимум час или два ежедневно, то практика медитации окажется для нас довольно сложной.

Похоже, мы далеко ушли от нашей темы — совершенной речи, и кому-то может показаться парадоксальным, что можно говорить, да еще так долго, воздавая хвалу молчанию. Это похоже на знаменитое описание трудов Карлейля: «Евангелие молчания в сорока томах от мистера Болтли». Поэтому я, пожалуй, лучше закончу с надеждой, что теперь вам ясно: совершенная речь подразумевает гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд. Совершенная речь — это не просто правильная речь в обычном смысле. Это идеал человеческого общения в понимании Будды, то есть общение идеально правдивое в самом полном смысле этого слова: идеально дружелюбное, идеально полезное и идеально способствующее согласию, гармонии и единству — то есть, идеально преодолевшее само себя.